

8. Lefebvre, S. (2015) From Religion to Spirituality in Education: Towards
9. a Political Regulation of Spirituality? *Issues in Religion and Education. Whose Religion?* Edited by Lori G. Beaman, Leo Van Arragon. International Studies in Religion and Society. Volume 25. Leiden, Boston: Brill, p. 183-210.
10. Peters F. (1998) Religion and Schools in Canada, *Catholic Education: A Journal of Inquiry and Practice*, 1 (3): 275-294.
11. Policy memorandum 112: Education about religion in the public elementary and secondary schools of Ontario (1990) Toronto: Ontario Ministry of Education.
12. Religions in Canada (2011) Statistics Canada. URL: <http://www12.statcan.gc.ca/nhs-enm/2011/as-sa/99-010-x/99-010-x2011001-eng.cfm#a3> (дата обращения: 10.08.2017).
13. Toledo Guiding Principles on teaching about religions and beliefs in public schools (2007) ODIHR OSCE. URL: <http://www.osce.org/odihr/29154?download=true> (дата обращения: 10.08.2017).
14. Van Arragon, L. (2015) Religion and Education in Ontario Public Education: Contested Borders and Uneasy Truces, *Issues in Religion and Education. Whose Religion?* Edited by Lori G. Beaman, Leo Van Arragon. International Studies in Religion and Society. Volume 25. Leiden, Boston: Brill, p. 34-58.

ОРЛОВ М.О., ГАВРИЛОВА А.С. ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЭКСПЕРТНОГО МЫШЛЕНИЯ У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений познавательной механики человека и образовательных технологий в эпоху информационного общества. Как отмечают авторы, на смену классической модели «обучаемый – обучающий» в рамках сетевого пространства приходит модель прямой связи «обучающийся – источник информации», что побуждает пользователей к развитию экспертного типа мышления. В исследовании обосновывается доминанта знания как основного фактора коммуникации субъектов, описываются риски экспертного подхода в условиях современности, в частности, цинизм и утрата молодежью духовных оснований мировоззрения. Обесценивание традиционных ценностей приводит к деформации восприятия социального пространства, разрежению социальных коммуникаций и оскудению социальных взаимодействий, что не позволяет субъекту выработать адекватное понимание происходящих в его окружении процессов. Привитие религиозных ценностей и, следовательно, возвращение Другого в жизненное пространство личности есть актуальная задача с позиций сохранения преимуществ экспертного типа мышления в целом и формирования плодотворной атмосферы для межличностной коммуникации.

Ключевые слова: информационная среда; социальная динамика; экспертное мышление; коммуникация; ценности; религия; духовность.

ORLOV M.O., GAVRILOVA A.S. CRITICAL ANALYSIS EXPERIENCE OF RELIGIOUS CULTURE AND FORMING SKILLS OF EXPERT THINKING IN YOUTH

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in human cognitive mechanics and educational technologies in the information society. As the authors note, the "learner – teacher" model in the network space is replaced by the "student – information source" direct communication model, which encourages users to develop an expert type of thinking. The study substantiates the dominance of knowledge as the main factor of communication today, describes the risks of the expert approach, in particular, cynicism and the loss of religious values. The depreciation of traditional values leads to a deformation of the perception of social space, the dilution of social communications and the simplification of social interactions, which prevents the subject from developing an adequate understanding of the processes occurring in his surroundings. The instilling of religious values is an urgent task from the standpoint of

preserving the advantages of the expert type of thinking in general and the formation of a productive atmosphere for interpersonal communication.

Keywords: Information Society; Social Dynamics; Expert Thinking; Communication; Values; Religion; Spirituality.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-190.2017.6; Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 15-33-12009.

На сегодняшний день одной из главных тенденций в развитии общества является виртуализация жизнедеятельности социума. Однако необходимо внести уточнение, что данный процесс следует характеризовать не столько как трансляцию прежде сформированных отношений и взаимосвязей внутри реального сообщества в новую среду, сколько как образование принципиально нового типа социокультурного пространства, «третьей природы» [11, с. 72]. Авторы предполагают, что подобная трансформация в большей мере затрагивает не технический аспект коммуникации (как выразить свою позицию, чтобы ее поняли/приняли/разделили), а именно *онтологический* (как в условиях информационного избытка заметить/увидеть/почувствовать другого).

Информационная среда, являясь наиболее масштабным хранилищем знаний и мнений, рождает уникальные формы отношений между участниками сетевого взаимодействия и способствует существенному изменению познавательной механики человека и, прежде всего, современной молодежи. К примеру, именно в информационном пространстве становится возможным сообщение, адресованное объекту, но не субъекту коммуникации. Поводом к объединению в группы и сетевые сообщества служит не только личностный интерес, а увлеченность некоторым событием, местом, предметом [8]. Таким образом, доминантным фактором в интеграции субъектов становится *информативность* интернет-ресурса. Анализируя познавательный аспект сетевой деятельности, стоит отметить, что информационная среда, позволяя включить в себя неограниченное по меркам обывателя количество данных, усиливает принцип односторонности обучения. Интернет-сообщество отказывается от программы «обучаемый – обучающий», предпочитая прямую связь «обучающийся – источник информации» (по Гребенниковой О.В.: «источник информации – реципиент» [3]). Вебинары, онлайн-консультации и другие виды виртуальной деятельности все более тяготеют к превращению в статичные формы образовательной индустрии: аудио- и видеoverсии состоявшихся сессий свободно публикуются в сетевом пространстве, что лишает интеркоммуникативное взаимодействие с профессионалами прежней ценности и актуальности.

Попадая в информационную среду, пользователь вынужден осваивать дополнительные опции в работе собственного мыслительного аппарата, что наиболее успешно удастся молодому поколению. Для грамотной не только с технологической стороны (скорость, эффективность работы в сети), но и, что наиболее важно, с гносеологической стороны (адекватность, содержательность, востребованность информации) эксплуатации сетевых ресурсов необходимы компетенции, сформированные в рамках *экспертного типа мышления* [9, с. 144]. Экспертный тип мышления направлен на критический анализ опубликованных материалов, предполагающий определение степени их научности, объективности, достоверности, а также их духовной и общемировоззренческой ценности. Экспертное мышление отличается способностью самостоятельного, независимого от мнения большинства, рационального суждения, опирающего на факты, теории и гипотезы с четким разграничением их научного, идеологического, культурного, религиозного статусов. В условиях множественности источников знания и плюрализма в степени их оценки субъект сталкивается с тем, что для решения задач познания в целом и образования в частности начальной эрудированности недостаточно. Пользователь, не имея возможности глубокого погружения в каждый из

широко представленных сетевых ресурсов, чтобы сохранить оптимальный темп работы и эффективность прибегает к автоматическому, неосознанному, анализу страниц на предмет их содержательности, актуальности, статусности. Таким образом, экспертное мышление включает в себя и научную интуицию как способность обнаруживать и заполнять смысловые лакуны в процессе анализа различных источников знания. Необходимо отметить, что наиболее успешно в сложившейся ситуации ориентируются и массово осваивают стратегии цифрового общества представители молодого поколения.

Как следует из вышесказанного, виртуализации социального пространства, особенно сферы образования, сопутствует нивелирование связи «обучаемый – обучающий». В Другом (наставнике, кураторе, педагоге) как носителе этических ценностей, знания, опыта необходимость почти полностью исчезает, но вместе с ней теряется ощущение товарищества и единомыслия, так необходимых в воспитании молодого поколения. Также одним из факторов познавательной коммуникации является общение по интересам, хотя, что крайне важно, в обществе знаний этот процесс подвергается трансформации: субъект не стремится к единению с конкретным человеком, который разделял бы его жизненные позиции, ценностный выбор, образ мыслей, увлечения, но находится в поисках *персонализированного гипертекста* [6, с. 236], способного дать ему необходимую информацию и подтвердить уровень имеющихся у него знаний и компетенций.

В связи с этим, несмотря на то, что сетевое пространство предоставляет субъекту широкий выбор возможностей для межличностной коммуникации, наиболее предпочтительным становится взаимодействие внутри и между *виртуальными сообществами*, а центром притяжения – *информация*, а не взаимная симпатия. Виртуальная реальность, с одной стороны, приобщая молодежь ко всему богатству исторического, культурного и научного наследия человечества, открывая пространство для продуктивного обмена научными, творческими достижениями, способна порождать отчужденность и разобщенность между субъектами. Во-первых, в данном случае наблюдается возрастание ценности индивидуального обладания знанием над созданием межличностной коммуникации. Во-вторых, антропная «плотность» сети, при которой участников социальных отношений становится настолько много, что пользователь воспринимает их не как отдельных личностей с уникальными, неповторимыми чертами, но ассоциирует их с определенным типажом или социальной группой.

Из вышесказанного следует, что интеграция в виртуальную реальность и успешное овладение технологиями приводят молодое поколение к следующим позициям: 1) *экспертной* – аккумуляция рациональных ресурсов познания и научной интуиции для определения качественной информации, ее обращения в знание; 2) *трансформации ценностей* – приоритет прагматичности действия над его этическим и духовно-нравственным измерением.

Цинизм как пренебрежение неприкосновенными ценностями (религиозными, семейными, патриотическими), профанация сакральных и основополагающих установок конкретной культурной среды [5, с. 91] становится базовой стратегией повседневной жизни человека. Развивая интеллектуальные способности посредством сетевых ресурсов, личность может достигнуть значительных высот в определенных областях знания, но при этом подвергнуться риску обесценивания традиционных ценностей. С одной стороны, формирование экспертного типа мышления – общая задача, которая возникает перед каждым представителем молодого поколения в современном мире. Другой стороной экспертного мышления оказывается цинизм и наделение себя правом переоценивать ценности. Обладание информацией (не обязательно знанием) создает иллюзию всецелой исключительности человека, побуждающей его претендовать на право экспертной оценки и в тех случаях, на которых данное право априори не может быть распространено, в частности, вопросах религии и мировоззрения.

Данная ситуация не только приводит к возникновению ряда шаблонных конфликтов, но и к девальвации экспертного типа мышления как нового уровня интеллектуальной деятельности. Как правило, достоинством экспертного мышления выступает его практическая ориентированность: возможность использовать сформированные в его рамках теоретические изыскания для решения конкретных, развертывающихся в реальности, задач. Однако носитель экспертного мышления, существующий в объективно-виртуальной реальности, может быть подвержен процессам взаимного межличностного абстрагирования, что «удаляет» из поля зрения одного субъекта других субъектов среды. Деформация личного восприятия социального пространства, разрежение социальных коммуникаций и оскудение социальных взаимодействий, не позволяет молодому человеку выработать адекватное понимание происходящих в его окружении процессов. Следовательно, возвращение «нацеленности на Другого» [4, с. 21] есть актуальная задача с позиций сохранения преимуществ экспертного типа мышления в целом и формирования плодотворной, комфортной атмосферы для межличностной коммуникации.

Регуляция межличностных отношений может осуществляться посредством трех стимулов: 1) юридического права, регламентирующего в законах рамки допустимого и недопустимого поведения, 2) этической интуиции, подсказывающей, как лучше поступить в той или иной ситуации, не нарушая личных и общепринятых моральных норм, 3) религиозной нормы, очерчивающей границы нравственности через систему прямых запретов и духовных ориентиров, сформировавшихся в базовые культурные ценности.

Юридическое право и этическая интуиция могут предоставить перспективы выхода из ситуации потенциального конфликта, однако первый стимул не покрывает многовариантность реальности и не способствует развитию внутренних регуляторов, а второму – свойственно допущение серьезных ошибок, продиктованное субъективностью переживаний индивида.

Религиозная норма, сочетая несколько уровней понимания традиции, включает прямые указания на то, какие поступки не допускаются и предписываются к совершению, и духовно-нравственные ориентиры, определяющие деятельность человека в целом [10, с. 32]. Характерными ценностями, воспитываемыми в носителях русской культуры, являются доверие, благодарность, милосердие, терпение, забота. Христианская нравственность, выраженная в идеалах жертвенной любви, открывает перед молодым человеком пути выстраивания межличностных отношений на основании не взаимной выгоды, пользы, интереса, а на изначальном видении Другого как «уникального, целостного и жизненного мира, обладающего свободой и самосознанием» [2, с. 17], достойного внимания, отклика, уважения. Открыв «образ Божий» [1] в другом человеке, становится возможным увидеть *личность*, увидеть *мир* в его полноте и целостности: «Как увидеть свое невидение? – Только посмотрев в глаза Другого и только будучи объединенным с этим Другим какой-то общей верой, общей ценностью, общим значением, общим знаменателем» [7, 9.37-9.55].

Жизнь, представляя собой мощный и динамичный поток сменяющихся событий, впечатлений, ощущений, предвосхищений не может быть вписана в рамочную картину статичных явлений. Временные и пространственные перспективы развития мира и общества могут быть очерчены только при видении Другого не как подчиненного объекта или абстракции, но как субъекта, актора, вносящего личные коррективы в функционирование реальности. Включение молодежи в социальное пространство информационного общества происходит посредством формирования экспертного мышления, но вместе с тем, подобная включенность в среду представляет опасность утраты *социальности* как соотнесенности с коллективом и *онтологичности* Другого как равнодействующего субъекта социального пространства. По нашему мнению, традиционная религиозная культура возвращает субъекту способность видеть ценность,

значимость, уникальность другой личности, открывает реальность в ее действительной, а не потенциальной, глубине, полноте и целостности.

Литература

1. Вадим Леонов, прот. Взаимосвязь понятий «личность» и «образ Божий» в православном богословии // Азбука веры: православный интернет-портал, 2010. URL: <https://azbyka.ru/vzaimosvyaz-ponyatij-lichnost-i-obraz-bozhij-v-pravoslavnom-bogoslovii> (дата обращения: 31.07.2017).
2. Владислав Свешников, прот. Очерки христианской этики. М.: Паломник, 2000. 622 с.
3. Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6, № 30. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.07.2017).
4. Демина Л.А. Философия образования: вызовы информационного общества // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 4. С. 14-22.
5. Зеленский С.А. Цинизм как форма саморефлексии культуры в контексте кризиса идентичности // Вестник МГУКИ. 2013. № 3(53). С. 88-92.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
7. Козырев А.П. Я и Другой в русской религиозной философии [Видеолекция] // Философия. Теология. Религиоведение: образовательный проект, 2017. URL: https://vk.com/video-125773980_456239217 (дата обращения: 31.07.2017).
8. Костяк Т.В. Взаимосвязь личностных особенностей и информационных предпочтений студентов // Психологические исследования: электронный научный журнал, 2011. № 5(19). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.07.2017).
9. Орлов М.О., Гаврилова А.С. Экспертное мышление в обществе знаний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 143-145.
10. Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. М.: Правило веры, 1998. 522 с.
11. Ярославцева Е.И. Философия цифрового пространства // Гуманитарные чтения РГГУ – 2008. Конференции. Научные семинары. Сборник материалов. М.: РГГУ, 2009. С. 71-89.

ЩУКИНА Н.П. О НЕКОТОРЫХ ПРАКТИКАХ НАПИСАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ПО ПРОГРАММАМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В данной статье сфокусировано внимание на региональных практиках написания экспертных заключений по программам дополнительного образования, реализуемым одной из наиболее финансируемых НКО. Автором обосновывается необходимость и значимость рассмотрения практик написания экспертных заключений по программам, реализуемым именно данной организацией в регионе, названном в свое время «Россией в одну треть величины». Проблематизируются проанализированные автором статьи тексты как носящие экспертный характер. Ставится вопрос об ответственности и авторстве в экспертной деятельности, о необходимости инвентаризации экспертных заключений по программам дополнительного образования, а также о разработке стандартов по написанию экспертных заключений в сфере образования.